

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

доктора филологических наук, доцента Кима Игоря Ефимовича
о диссертации Авдеенко Ивана Анатольевича «Символические системы
пространства и времени в языке русской рок-поэзии»,
представленной на соискание ученой степени
доктора филологических наук по специальности 10.02.01 – Русский язык

Автор рецензируемой работы выбрал вдвойне сложный сюжет для диссертационного исследования. Во-первых, теоретическая сложность: автор предлагает способ лингвистического описания семантики символа, которая в силу удвоения знакового содержания в символе не может быть описана традиционными лингвистическими процедурами. Во-вторых, сложность представляет материал исследования, источником которого стала поэзия русского рока, язык и образная система которой во многом отличается от языка и системы образов традиционной русской поэзии. Кроме того, есть исследователи, которые отказывают року в художественной ценности и в соответствии его языка литературной норме и системе русского языка.

Такая постановка задачи предполагает наличие интересных и нетривиальных результатов, равно как и исследовательских проблем.

Актуальность работы связана с потребностью современной лингвистики в описании «маргинальных» подсистем русского языка, таких как язык русской рок-поэзии, в которых русская языковая картина мира подвергается неизбежной модификации и трансформации.

Научная новизна исследования связана с довольно эффективным и при этом простым в плане исполнения методом описания символической семантики как набора ассоциаций, задаваемого семантикой слов, входящих в ближайший контекст слова, репрезентирующего символ, в наборе текстов, реализующих изучаемую подсистему русского языка. Новым является и собственно результат исследования – реконструированный фрагмент семантики пространственных и временных символов русской рок-поэзии.

Несомненна теоретическая значимость работы, которая заключается в актуализации для лингвистики проблематики, связанной с семантикой символа, а также в формировании новых подходов в комплексном использовании парадигматики и синтагматики в описании сложных культурно-языковых феноменов.

Практическая значимость связана прежде всего с возможностью создания пространственно-временного символического «эталона» рок-поэзии и «символической» разметки и на ее базе «символического» портретирования текстов и авторов этого направления в поэзии.

Главная исследовательская проблема в работах, связанных с непрямыми значениями, это коллизия теоретического осмысления и интерпретации фактов. Соотношение уровня исполнения теоретической и исследовательской частей является проблемой для любых лингвистических работ. Часто блестящая теоретическая глава перечёркивается невыразительностью или просто методической слабостью исследовательской главы или, наоборот, внимательное и интересное по содержанию исследование диссонирует с теоретической банальностью. В работах по вторичным знаковым системам эта проблема оказывается чрезвычайно острой.

В связи с этим сразу отмечу, что в рецензируемой работе теоретическая глава, с моей точки зрения, значительно ярче и содержательнее, чем обе исследовательские главы.

При общем описании русского рока и в дальнейшем при анализе символических ассоциаций просматривается большой интерес автора к музыкальной и текстовой культуре русского рока и хорошее ее знание, что, в частности, проявилось в отборе текстов и авторов (музыкальных коллективов).

Описывая символ и его семантику, автор находит много интересных, ярких, точных и небанальных характеристик символа и его языкового

воплощения, ясно, последовательно и изобретательно отличает символ от близких понятий: метафоры, метонимии, художественного образа, и, наоборот, сближает символ и художественный текст.

Отметим, в частности, интересное понятие семантического стягивания, то есть вбирания в себя семантики других знаковых единиц. Автор приписывает символу способность к такому семантическому стягиванию. Это понятие позволяет автору произвести сближение символа и текста, на котором базируется основной методический прием исследования.

Из теоретических сюжетов существенные претензии можно высказать только к параграфу 1.6. По сути дела, этот последний параграф первой главы носит характер обоснования и описания методики исследования. И само практическое исследование носит те же проблемы, которые можно обнаружить в этом параграфе. Содержание параграфа составляет перечисление семантических классов, релевантных для описания семантики символа. При этом каждому семантическому классу приписывается некоторая символическая функция, которая, однако, в описании конкретных символов не обязательно учитывается. Обратим также внимание на то, что установление совокупности смыслов является только начальным этапом исследования, а далее должно следовать упорядочивание смыслов, процедура интерпретации, а она не описывается и не прописывается, что даёт автору право интерпретировать материал произвольно. В параграфе также не обсуждаются основания определения длины контекста слова, используемого в символическом значении. Возможно, этому виной нахождение организующего параграфа в теоретической главе, совмещение его с фрагментом теоретической части и отсутствие во второй главе специального параграфа, посвященного процедуре исследования.

Вторая глава посвящена семантике пространственных символов, а третья – семантике временных символов в языке русской рок-поэзии.

Обе исследовательские главы отличаются большой тщательностью и даже, с моей точки зрения, излишней подробностью описания конкретных символов. Каждому символу посвящен отдельный параграф, в котором перечислены все контексты употребления слова, замещающего символ, распределены по классам все релевантные знаменательные слова, проинтерпретирован каждый семантический класс и дано компактное описание семантики символа. Каждую из глав завершает параграф, интерпретирующий количественные показатели. Интерпретация количественных показателей в этих последних параграфах обеих глав мне кажется вполне убедительной.

Выскажу несколько замечаний, часть из которых носит дискуссионный характер.

1. В плане дискуссии позволю себе не согласиться с утверждением автора, что символ является единицей языка (Научная новизна исследования, п.1, с. 10), «символ в языке русской рок-поэзии имеет языковую природу» (Положение 3, выносимое на защиту, с. 13). Символ является фактом не языка, а культуры, природа его внеположена языку, хотя в языке отражается. Автор в конкретных рассуждениях, по всей видимости, придерживается той же точки зрения, ср. контекст: «Сплошная выборка номинации «звезда» и ее производных из названных выше текстов позволила получить следующие контексты упоминания одноименного символа в текстах русской рок-поэзии» (с. 136; подчеркнуто мной. – И.К.). Автор употребляет слово *упоминание* вместо слова *употребление* или *использование*, что свидетельствует о внеположенности символа языку. Но противопоставление символа метафоре, метонимии и художественному образу, предлагаемое И.А. Авдеенко, сохраняет свою силу: даже будучи фактом не языка, а культуры, символ тем не менее обладает воспроизводимостью в масштабах общества и противопоставлен актуальным метафоре, метонимии, художественному образу. Из этих феноменов метафора и метонимия могут

быть отнесены к языковым механизмам, но не единицам, а художественный образ – однозначно не является языковым феноменом, что также подтверждает неязыковой статус символа.

2. Автор в некоторых случаях пренебрегает комментированием и анализом текста в ходе исследования. Так, на с. 96 автор не приводит интерпретацию символического и образного содержания анализируемого текста Ю. Шевчука, ограничившись общей фразой. В этом случае не очевидно и читателю может быть непонятно, какова, по мнению автора диссертации, в этом тексте символическая структура мира, в то время как ряд конкретизирующих ее сравнений искусственный читатель сможет опознать. Аналогично, но по другому поводу на с. 98 ощущается отсутствие анализа текста песни В. Суркова «Это я». Автор утверждает, что в тексте прямо не назван символ реки. Он также приводит фрагмент этого текста, на содержание которого, как утверждает автор, влияет этот неназванный символ. Однако, поскольку нет интерпретации символического содержания фрагмента, читатель не может понять, должен он выявлять этот неназванный смысл только по содержанию данного отрывка или по всему тексту песни. Я бы, например, не смог вычитать символ реки из приведенного фрагмента. И только на с. 111, когда автор приводит весь текст В. Суркова, читателю может стать понятно, что образ реки реализован в постпозиции по отношению к цитируемому фрагменту. Однако к этому моменту читатель, скорее всего, забудет рассуждение, произведенное автором тринадцать страниц назад.

3. На с. 96-97 автор предлагает различение художественного образа как носителя эстетического и эмоционального начал и символа как носителя экзистенциального и когнитивного начал. Однако художественный образ имеет и когнитивную природу, поскольку в эстетической коммуникации реализуется и когнитивно-идеологическое содержание. Оно не первично, не направлено на достижение конечной цели коммуникации, но существует как составляющая любой вербальной коммуникации, возможно, исключая

междометную. Наблюдается асимметрия, в которой символ несет интеллектуальное содержание, но может не нести эстетического содержания, поскольку его можно абстрагировать от актуальной ситуации эстетической коммуникации, в то время как художественный образ, который всегда актуализирован в конкретном тексте, обладает и эмоционально-эстетическим, и когнитивно-идеологическим содержанием.

4. Довольно много лакун в описании методики исследования.

1) Вместо эксплицитного описания критерия объема релевантного контекста слова, репрезентирующего символ, автор приводит все встретившиеся контексты с упоминанием анализируемого символа. Читатель должен сам определить, какой объем текста и в каких границах автор оценивает как релевантный контекст. Тем более не обсуждается, почему именно в этих границах задается этот релевантный контекст. Соответственно, автор не учитывает синтаксическое расстояние между именем символа и наименованием реалии, для которых разработана система измерения. Учитывая синтаксическое расстояние, автор мог бы задать веса релевантности, которые бы позволили дать не частотную, а частотно-взвешенную характеристику сочетаемости.

2) Второй момент неясности связан с набором семантических классов, к которым автор относит языковые единицы, отобранные из релевантного контекста для анализа. Автор не обосновывает состав семантических классов. Получен ли этот состав эмпирически или задан по определенным критериям, непонятно. Независимо от этого возникают также сомнения в отнесении тех или иных семантических видов к семантическим родам; например, почему изменения положения тела относятся к изменениям состояний, а не к движению. Соответственно, в ходе анализа возникают сомнения и в отнесении слов к семантическим видам, например, почему луч относится к форме предметов. Свет точно не является предметом. Отмечу, правда, что это

довольно типичная проблема открытых и «естественных» семантических классификаций.

Непонятно также, почему были исключены концепты, связанные с незнаменательными словами, например *я* и *мы*, задающие важную для любой культуры семантику сопричастности, значения предлогов, задающие ориентацию в пространстве и временные отношения. Непонятно также, почему автор не различает в своей классификации созидание и разрушение, объединяя в составе креационных процессов (см. с.130).

5. Интерпретация фактов внутри параграфов, посвященных отдельным символам, отличается высокой степенью произвольности, вследствие чего оказываются непонятны ее принципы. Автор говорит об использовании компонентного анализа, однако по описаниям символических ассоциаций не видно, как он применяется. Кроме того, иногда автор произволен и в своей терминологии. Так, в анализе символической семантики солнца возникает терминологическое выражение *семантика домысливания характера восприятия*, которое не могло быть сформировано ни в какой лингвистической семантической традиции. Ср. также терминосочетание *семантика постоянства* в следующем фрагменте текста «При всем разнообразии цветовых ассоциаций, они преимущественно стереотипны (синий, голубой), что отражает семантику постоянства» (с. 182).

Вообще семантические интерпретации автора интересны и имеют под собой основания, которые автор не эксплицирует. Семантика символа в двух приведенных случаях представлена как своеобразное действие условного создателя супертекста русского рока или характеристика такого действия. Такое представление семантики необычно и поэтому требует обоснования. Кроме того, оно расходится с утверждением автора, что «знак символ, а его значение – концепт». Домысливание характера восприятия точно не является концептом.

В работе явным образом не описывается интерпретационная процедура, что даёт автору право интерпретировать материал произвольно. Такая произвольность интерпретаций далека от лингвистических идеалов научности. Таким образом, можно сказать о том, что описания символов не отличаются систематичностью и единообразием.

Исследовательская часть характеризуется также приблизительностью количественных оценок и учета количественных показателей при анализе конкретных символов. Так, показатели 28, 20, 33, 13, 45, 15, 19, 17, 14, 20, 48, 10, 11, 16 упоминаний на 100 текстов (приведены для слов, отражающих символы) для автора одинаково являются показателем существенной значимости символа для рок-поэзии, хотя крайние величины разнятся почти в пять раз.

6. Кажется излишне громоздким описание конкретных символов. Автор сначала перечисляет все контексты, в которых встречается упоминание данного символа, после этого перечисляет все слова, формирующие ассоциации, распределяя их по семантическим классам, затем комментирует каждый семантический класс, а затем формулирует символическое значение. Было бы логично списки контекстов и слов переместить в соответствующее приложение, ссылаясь на них по мере надобности. В этом случае основной текст мог бы изрядно сократиться.

7. Отмечу наличие немногочисленных пунктуационных ошибок, например, на с. 113, 161 и др.

Завершая общую оценку работы, полагаю, что результаты исследования прошли необходимую апробацию, автореферат и публикации отражают содержание диссертации.

Подводя итог, отмечу, что автор достиг цели исследования, решил все поставленные задачи. Все девять положений, вынесенные автором на защиту, обоснованы. Диссертация Ивана Анатольевича Авдеенко «Символические системы пространства и времени в языке русской рок-поэзии» соответствует

требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям, в том числе пп. 9-11 Положения о присуждении ученых степеней ВАК России. Автор диссертации, Авдеенко Иван Анатольевич, заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.01 – Русский язык.

Доктор филологических наук, доцент,
главный научный сотрудник
сектора русского языка в Сибири
ИФЛ СО РАН

И.Е. Ким

Ким Игорь Ефимович, доктор филологических наук, ученое звание доцент, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири;
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук;
адрес 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8. Тел 8(383)3301518.
Электронный адрес ifl@philology.nsc.ru, Сайт: <http://www.philology.nsc.ru>
Домашний адрес 630055 Новосибирская область, Новосибирский район, с. Каинская заимка, ул. Серебряное озеро, д. 8, кв. 113,
E-mail kimkim27601@yandex.ru,
Моб. тел. 89231848970, сл. тел. 8(383)3305345

